

# Назвали Гондурасом

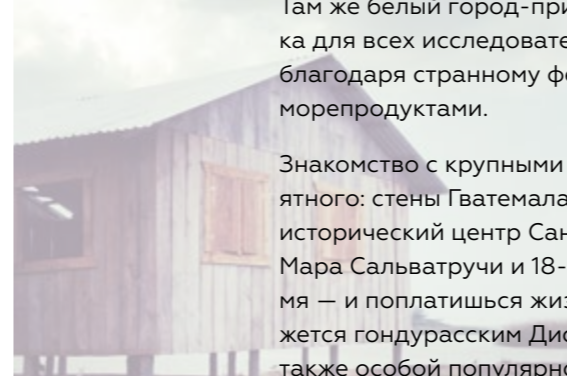
## Неутомимая путешественница

Карина Абдусаламова добралась до глухой, опасной, но неожиданно занятой латиноамериканской страны

Фотографии автора



Путешествие по стране под названием Гондурас редко предвещает что-то хорошее. Большинство туристов не рискуют заезжать дальше руин Копана, что на границе с Гватемалой, или ютятся на островах в Карибском море. Соседи также не спешат в Гондурас: последними были ушлые сальвадорцы, которые переселились сюда возделывать земли: на родине становилось уже неприлично тесно. Но в 1969 году сборная Гондураса по футболу нанесла поражение команде Сальвадора, что вызвало шестидневный военный конфликт (фанаты Германии и Аргентины стыдливо терпят платочки) и надолго охладило отношения между государствами. Гондурас ежегодно входит в список самых опасных стран мира, и это, пожалуй, единственное, что известно большинству из нас об этом благолепном месте. Впрочем, мой опыт путешествий по Мексике и Центральной Америке доказал, что пресловутая опасность этих стран не более чем раздутый миф. Не последнюю роль в его создании сыграли и Штаты, которые внимательно следят за тем, чтобы уровень экономического развития стран Центральной Америки оставался крайне низким.



Соблазн проверить, насколько Гондурас соответствует своему названию, был непреодолим. Там же белый город-призрак, *Ciudad Blanca*, затерянный среди девственных лесов, — загадка для всех исследователей культуры майя. И Йоро, который обрел известность во всем мире благодаря странному феномену — рыбному дождю: в городе ежегодно моросит свежими морепродуктами.

Знакомство с крупными городами стран Центральной Америки обычно не сулит ничего приятного: стены Гватемала-Сити, как лицо старого наркобарона, изрешечены оспинами-пулями; исторический центр Сан-Сальвадора поделен на территории между двумя основными бандами: Мара Сальватручи и 18-й. Окажешься на пересечении этих территорий в неподходящее время — и поплатишься жизнью. Можно предположить, что и столица Тегусигальпа вряд ли окажется гондурасским Диснейлендом. Два других крупных города, Сан-Педро-Сула и Ла-Сейба, также особой популярностью у туристов не пользуются. Остальная территория — сплошные влажные тропики, зеленый массив, разрезанный тонкими струйками рек. Я походила по их берегам человеком со спутниковых карт гугл, увидела черных аборигенов, стирающих набедренные повязки у самого Карибского моря, и решила, что надо ехать. Без маршрутов, карт и почти без денег. Пусть провидение и магическая сила автостопа сделают за меня всю работу.

## Кому живет весело, вольготно в Гондурасе

Жаркий полдень. Служебные автомобили гватемальских пограничников пускают в лицо клубы дорожной пыли. Голова из окошка миграционной службы ставит штамп на страничку с шенгеном, другая голова, уже на гондурасской границе, просматривая мой паспорт с хаотично наставленными гватемальскими штампами, задумчиво произносит: «Знаешь, какое главное отличие между чапинес (гватемальцами) и катрачос (гондурасцами)? Мы, катрачос, умеем думать».

Почему-то я представляла, что стоит пересечь границу — и на месте зеленых полей окажутся выжженные пустыри, а улыбчивых гватемальских крестьян тут же сменят лысые гондурасские головорезы. В реальности все оказалось немного иначе: крестьяне действительно исчезли, а вместо бандитов мне встретился гарифуна Тони.

## Гарифуна и майя

Блестящий, почти новый, не считая помятого бока, джип остановился в метре от меня, дверь открылась, и из машины вывалился огромный черный мужик с бутылкой рома в руках. «Давай, садись, не робей. Куда тебе?» — спросил он по-английски. «Мы с моим шофером едем в Сан-

Педро-Сулы встречать жену из аэропорта, вот праздную. Будешь ром?» — не дожидаясь ответа, предложил он.

Тони сидел ослепительный, как бог Рама, весь увешанный брюликами и золотыми цепочками, с белоснежной улыбкой. Для съемок клипа о жизни рэпера-пушера Тони не хватало только двух латиноамериканских красоток по бокам и лиловой шубы в пол.

**«Знаешь, какое главное отличие между чапинес (гватемальцами) и катрачос (гондурасцами)? Мы, катрачос, умеем думать»**

Человек за рулем, которого Тони называл своим шофером, просто согласился подвезти пьяного приятеля в аэропорт. Ах Пваш — так его звали — оказался коренным индейцем майя; его имя в переводе означало «бог смерти», что, признаться, немного настораживало: не каждый день ловишь машину с богом смерти за рулем.



Тони рассказал, что еще полвека назад дружба между майя и гарифуна была невозможна: два народа, проживающие фактически по соседству, очень смутно подозревали о существовании друг друга. Гарифуна, населяющие карибское побережье Гондураса, с местными латиноамериканскими традициями себя не идентифицируют: от их культуры веет терпким запахом растафари, ветхие деревянные домики наспех покрашены в цвета ямайского флага, повсюду играет регги. Все недвусмысленно говорит о том, что гарифуна можно увезти с острова, но остров никогда не вытравишь из души гарифуна.

Индейцы майя живут в этнических анклавах, расположенных в горах или близ джунглей. Они, затерянные где-то в безвременье, постоянно становятся жертвами своей отсталости. Никакой поддержки со стороны государства, как то медицинская помощь или образование, они не получают.

Однако об их существовании чиновники все же изредка вспоминают, например во время выборов, когда голос индейца можно купить за шариковую ручку. Покупка голосов не идет ни в какое сравнение с тем произволом, который правительство другого государства Центральной Америки, Сальвадора, учинило над бесправными коренными жителями во время гражданской войны: под предлогом борьбы с угрозой коммунизма они совершили геноцид всего коренного населения, объявив живущих в горах индейцев коммунистами.

В 70-х годах прошлого века всю Центральную Америку от Гватемалы до Панамы охватила лихорадка гражданских войн и междоусобных конфликтов: тогда индейцы были вынуждены уходить

с насиженных мест в поисках более безопасных районов. Близкое знакомство между гарифуна и майя состоялось, когда последние достигли карибского побережья. И хотя поначалу реакцию гарифуна на новых соседей нельзя было назвать восторженной, сейчас майя и гарифуна водой не разольешь.

Сам Тони родом из Омоа, традиционного гарифуна-анклава. Как оказалось потом, работал он авиаинженером, а не драг-дилером, и не в Гондурасе, а в Нью-Йорке — это объясняет наличие дорогих блестящих безделушек. Вопреки моим худшим ожиданиям, Тони довез меня до Сан-Педро-Сулы в целостности и сохранности, а на прощание он провел пальцем по моей брови в знак благословения, посоветовал спрятать татуировку на ноге и дал свой телефон, пообещав прислать за мной вертолет в случае чего. «Зачем вертолет?» — «Ты вообще знаешь, куда приехала?» — последовал ответ.

## Сан-Педро-Сула

Вечерело. Сан-Педро-Сула встретила меня обшарпанными стенами главного городского собора, со вкусом декорированного мусорными кучами из подгнивающих овощей, фруктов и иногда даже животных. По периметру кованой оградки блаженно сидели попрошайки: по их увлажненным задумчивым взглядам можно было предположить, что рабочий день закончился и они уже накидались. Неподалеку от собора расположился небольшой парк

**На мой безобидный запрос *San Pedro Sula places to go out* гугл недвусмысленно отвечает первой ссылкой со статьей под названием *Welcome to San Pedro Sula, the murder capital of the world***



с квадратными кустами и бронзовыми монументами неизвестных мужчин и женщин. Стоило мне присесть на скамейку, как рядом появлялся какой-нибудь тип в костюме и начинал лихорадочно пересчитывать деньги у меня перед носом. Проходящие мимо подростки делали сомнительные комплименты черепу на моей ноге, старики подозрительно озирались и шипели.

Почти стемнело. Вокруг здания с эпиплетически сверкающими вывесками американского фастфуда смуглые беззубые тетеньки домовито расставляли столики для приготовления балеад — традиционных лепешек с начинкой из бобов, яиц и сыра. Юноши в обтягивающих лиловых футболках и празднично шатающиеся девицы в лакированных туфлях на гротескной платформе сообщали, что настала пятница.

Чем занять пятничную ночь в славном гондурасском городке Сан-Педро-Сула? На мой безобидный запрос *San Pedro Sula places to go out* гугл недвусмысленно отвечает первой ссылкой со статьей под названием *Welcome to San Pedro Sula, the murder capital of the world*. Другие ссылки выдают впечатляющую статистику по числу убийств, изнасилований и похищений в день. Кажется, под насыщенной ночной жизнью гондурасцы понимают нечто иное, чем мы.

Совсем стемнело. После того как славный город в моем сознании трансформировался в мировую столицу убийств, даже парк квадратных кустов выглядит зловеще: на псевдоантичных колоннах, подобно горгульям, расселись сомнительные персонажи. Все они настолько не ожидали увидеть молодую иностранку с татуировкой, разгуливающую по городу в одиночестве, что мне, кажется, ничего не угрожает; они даже не свистят вслед.

На одной из колонн сидит задумчивый юноша лет двадцати. Не всем же им быть убийцами, насильниками и грабителями — некоторые просто бездельники. Хавьер ниже меня на голову, вблизи на его руках можно рассмотреть подозрительные темные точки и маленькие синячки. Из бесконечных кругов смотрят два черных зрачка, смотрят растерянно и негодуя, пока я пытаюсь скрыть смущение и страх, задаю идиотские вопросы про местные увеселения.

Вечеринки Хавьера больше не интересуют. Из своих двадцати лет пять он провел в наркотическом беспмятстве, а последние полгода находится на лечении. Его рассказ — довольно замысловатая интернациональная история, включающая извечные мотивы дурного влияния и отсутствия мотивации. Другой вопрос, что в стране, в которой по меньшей мере 1% населения активно дегустирует экспортируемый из Южной Америки товар, случай Хавьера не назовешь исключительным.

Помимо темных точек, на смуглых руках парня проглядываются поблекшие татуировки с каллиграфически выведенными женскими именами. «Марию» он увековечил на своем плече







в пятнадцать лет, но уже через два года об этом пожалел, потому что полюбил «Софию». Но и с ней вышел промах. Единственная татуировка, в которой Хавьер уверен, — это «Анна», имя его трехлетней дочери.

Вообще, как я смогла убедиться на собственном горьком опыте, нательные рисунки в Гондурасе не очень жалуют. В коллективной памяти этой нации татуировки пробуждают болезненные воспоминания из совсем недалекого

прошлого, когда Гондурас стал прибежищем для 30 000 головорезов из двух наиболее известных в Латинской Америке банд — Сальватрочи и 18-й. Долгое время татуировки были главным опознавательным знаком: название группировки, выбитое на лбу, или черные слезы на щеках — местная версия куполов на спине. И хотя в наши дни встретить такое чудовище, свободно разгуливающее по улицам, невозможно (члены банд стали умнее и более не декорируют свои тела кричащими призывами к насилию) — для рядового гондурасца татуировки по-прежнему символизируют причастность к криминальному миру.

**Крупные города Гондураса можно условно разделить на две категории: «самый опасный город на земле» (Сан-Педро-Сула и Тегусигальпа) и «а чего там вообще делать» (Ла-Сейба)**

### Бонито-Ориенталь и иммиграция

Крупные города Гондураса можно условно разделить на две категории: «самый опасный город на земле» (Сан-Педро-Сула и Тегусигальпа) и «а чего там вообще делать» (Ла-Сейба). Путешествие по городам из первой категории почти наверняка обернется запоминающимся на всю жизнь приключением с вероятностью летального исхода (хотя пора признать, что опасность этих мест преувеличена). Безопасные города Гондураса, коих большинство, безлики и одно-



образны: везде есть главная площадь с колоннами и административным зданием, покрашенным в персиковый цвет, небольшие парки с невнятными монументами, палатки с фруктами и дискотека — в лучших традициях мировой провинциальной практики. В Ла-Сейбе сильнее всего врезалась в память табличка с просьбой не топтать газон, потому что природа — это творение Божье.

Настоящий Гондурас нужно искать не в городах — он спрятан в затерянных селах с населением численностью в сто человек. В этих глухих геопатогенных районах проявляется вся соль и смысл Гондураса: чудовищных размахов мачизм, религиозный фанатизм, разбавленный местными оккультными верованиями, патриархальность, латиноамериканская сексуальная ненасытность.

О месте под названием Бонито-Ориенталь не знают даже те, кто живет в радиусе 50 километров: населенный пункт представляет собой пыльную дорогу с одним продуктовым магазином, шиномонтажом и хлипкими домишками, понатыканными как придется. Занесло меня туда неисповедимыми путями автостопом. На свет вышеупомянутого магазина как мотыльки слетались местные бездельники: по вечерам продуктовая лавка заменяла жителям Бонито-Ориенталья спорт-бар. Каждый второй житель Бонито говорит или хотя бы понимает по-английски; кажется, история этого места заключена в двух словах: иммиграция и депортация. Сюжет за редкими

исключениями такой: успешное пересечение границы (вброд ли, вплавь ли, лесом ли, пустынею), изнурительная и без выходных работа в строительстве, возможность альтернативного заработка — продажа наркотиков, тюрьма и обратный билет до дома. Владелец магазина, Джонни, — единственный из известных мне гондурасцев, покинувший Штаты по собственному желанию: работать без выходных в течение четырех лет он уже не мог, а наркотики его не интересовали.

Джонни до сих пор мечтательно вздыхает, вспоминая о Нью-Йорке. В его сознании Северная Америка — место, где люди улыбчивы и воспитанны, ходят в театр по вечерам и убирают кашки за своими любимцами, гуляя в Центральном парке. Джонни мечтает вернуться в Нью-Йорк и гулять в Центральном парке с воспитанными людьми и их собаками. Он предложил мне остановиться на ночь в его доме и познакомил со своей семьей, которая состояла из восьми человек, где он был единственным мужчиной (не считая трехлетнего Хуана-Мануэля).

**Настоящий Гондурас нужно искать не в городах — он спрятан в затерянных селах с населением численностью в сто человек**







Синие бетонные стены в холодном белом свете электрической лампы кажутся ядовито-голубыми, в комнате неприятно пахнет парным молоком и еще чем-то слишком теплым и человеческим. Все члены семьи, за исключением бабули Сюзанны, матери Джонни, которая ушла в церковь, сидят, вперив взгляды в мерцающий экран телевизора. Девушка с почерневшими зубами изредка отрывает от груди кажущегося слишком большим для подобных удовольствий мальчика, не отрывая, однако, глаз от сериала. Другой ребенок апатично играет с пластиковым пакетом на полу, две девочки-подростка украдкой бросают на меня любопытные взгляды. По комнате развешаны грамоты, семейные портреты, черно-белые фотографии родственников — генеалогическая мифология, безыскусно размазанная по стенам.

## Старик обрушивается на меня бурей негодования, узнав, что в свои 24 я еще не обзавелась ни мужем, ни детьми и эгоистично скисаю в собственном репродуктивном соку

По меркам Бонито-Ориенталя семья Джонни, состоящая из восьми человек, считается небольшой. Здесь, в глухом захолустье, главные принципы толстовской патриархальной доктрины — семейственность, религиозность и общинность — блюдутся со строгостью. Лишним тому доказательством служит встреча с другим эпическим персонажем Бонито — пожилым господином. Старик обрушивается на меня бурей негодования, узнав, что в свои 24 я еще не обзавелась ни мужем, ни детьми и эгоистично скисаю в собственном репродуктивном соку. Упрямый, как черт, религиозный женофоб все когда-либо произошедшее в мире объясняет, опираясь на теорию креационизма, а суждения свои для пущей важности подкрепляет цитатами из Нового Завета. Пока мы с ним спорили о роли полов в пищевой и репродуктивной цепочке, у магазина собралась целая толпа из детей, мужчин, женщин, которые, засыпая в жадные рты чипсы из жареных бананов, с интересом следили за ходом дискуссии. Хватило пожилого господина на полчаса: потом он торопливо засобиравшись в церковь и, снисходительно похлопав меня



по плечу, удалился в черноту пыльной дороги. Зрители разошлись, и я осталась стоять у магазина в крестьянском, почти некрасовском Гондурасе, лихорадочно пытаюсь нащупать чепец на своей голове.

Путешествие по странам Центральной Америки наделяет понятие «мачо» новыми смыслами: это уже не нелепый качок-ловелас, который видит в женщине ключ к самореализации. Философия мачизма выходит далеко за пределы неутолимого сексуального аппетита в область половой дискриминации, когда женщина хуже мужчины только тем, что она женщина. В самых неблагоприятных странах Латинской Америки, вроде Сальвадора или Гондураса, отношения между полами развиваются скорее по мусульманской схеме (когда мнение женщины особого веса в обществе не имеет) с той лишь разницей, что женщинам Центральной Америки дается куда больше сексуальной свободы: в этих странах наличие и количество любовников является поводом для хвастовства не только у мужчин, но и у представительниц прекрасного пола. Кроме того, здесь, особенно в туристических прибрежных районах, существует практика «облагораживания рода», когда девушки спят с иностранцами из Европы или Северной Америки, чтобы у их будущего малыша кожа была белее или глаза голубее. Высокие блондины из Европы почитаются здесь за гиперборейцев, полубогов, для которых нет ничего невозможного. Поразительный пример половой и расовой самодискриминации.



## Ла-Москития

О существовании места под названием Ла-Москития я впервые услышала от Сюзанны, матери Джонни: лениво поглаживая необъятную ляжку, она повествовала о колдунах и наркобаронах, которые прячутся в джунглях. И хотя от одного названия у меня на руках начинали чесаться воображаемые укусы, отказаться от встречи с тропическими ведьмами и драг-мафией было невозможно.

Ла-Москития располагается на побережье Карибского моря у самой границы с Никарагуа: от нее берет начало так называемый «берег мискитов» — ареал обитания племени мискито, который тянется вниз через Никарагуа до самой Коста-Рики. Дорог в этом регионе почти нет: из Бонито-Ориенталя меня забрал внедорожник, набитый людьми и мешками с рисом. Пыльные тропинки сменялись песочной кромкой берега, омываемой морем, иногда волны даже ласково похлопывали джип по левому боку. Вместе с мешками и молчаливыми аборигенами в моем внедорожнике оказался сельский учитель английского Харви.

Он был настолько потрясен встречей с человеком из России, что тут же предложил мне остановиться в доме у его сестры. После четырех часов пыли в кузове джипа нам предстояло еще два часа путешествия на лодке в лагуну Брус, где находился дом Харви и его сестры, — как раз хватило послушать о Ла-Москитии и местных нравах. Народ мискито — это такой шоколадный

**Философия мачизма выходит далеко за пределы неутолимого сексуального аппетита в область половой дискриминации, когда женщина хуже мужчины только тем, что она женщина**





компромисс между бронзовыми латиноамериканцами и смолянисто-черными гарифуна. Их язык представляет собой смесь ломаного французского с ломаным английским, почти как у гарифуна, только с учетом того, что ломаный английский в среде мискито преобладает. Виноват в этом капитан Морган и его товарищи, которые добрались до карибского побережья раньше испанцев. Этим объясняется и наличие у местных жителей английских фамилий: Харви, например, был Вудом. Даже изумительно образованный сельский учитель не удержался от вопроса о том, как я выскользнула из-под железного коммунистического занавеса.

## Народ мискито — это такой шоколадный компромисс между бронзовыми латиноамериканцами и смолянисто-черными гарифуна

здоровенные черные стервятники. Большинство жителей лагуны проводит время в лежачем состоянии — в гамаке, наблюдая за жизнью гекконов на потолке. Исключение составляет деловитая Наэми, сестра Харви, которую все в деревне называют тетушкой. Она управляет одноименным рестораном *La Tia* и олицетворяет собой образ большой черной мамы, которая накормит голодных и даст в долг всем нуждающимся. На стене ресторана — плакат с нарисованными вручную обитателями флоры и фауны лагуны; в полдень приходит Харви и обещает отвезти меня смотреть крокодилов, а пока мы идем осматривать окрестности. Дома патетических цветов стоят на сваях, почти у каждого из них рядом припаркована утлая лодочка, у которой копошится свинья или бродят куры. Молодые женщины, обвешанные маленькими детьми, с любопытством высовываются из окон, провожая нас взглядом. Идиллию нарушают только крыши, украшенные красными спутниковыми тарелками с надписью *Claro* (название крупнейшего мобильного провайдера в Центральной Америке).

Харви с набожным видом останавливается у небольшой белой церкви и спрашивает, какой бог у русских. Ортодоксальный, страдающий, как у Достоевского, — всем бы такого. Внезапно Харви бросает на меня негодующий взгляд, будто бы унюхал во мне червоточину гностицизма, и спрашивает, сколько раз в день я молюсь. По его ошеломленному лицу я понимаю, что провалила экзамен, он лихорадочно повторяет: «Я буду молиться за тебя и за твою душу». Удивительно, Бог здесь никогда не умирал. В этом тропическом раю сознание мискито никогда не было потревожено ни Ницше, ни Сартром, ни Хайдеггером. Черные аборигены оказываются яростными поборниками Иисуса и готовы постоять за христианскую веру крепче попов с черными бородами.

Когда в сумерках засверкали огни лагуны и слышались голоса людей на пристани, из воды вдруг выскочила рыба и вонзилась лобным гарпуном прямо в мясистую руку женщины на первом сидении. «Мы зовем эту рыбу *madfish*, очень опасная дрянь», — задумчиво произнес Харви, и лодка стукнулась о док.

Лагуна Брус — это Центральная Африка, по ошибке занесенная в Центральную Америку: на завтрак здесь жареные бананы запивают кокосовым молоком, по дорогам оранжевой пыли разгуливают босоногие коричневого цвета мальчуганы, а вместо голубей на фасадах домов сидят



Харви рассказывает, что он не всегда был примерным семьянином и школьным учителем. До того как он нашел путь к Иисусу, Харви, как и многие в лагуне, любил ром, женщин и азартные игры. На его правой руке не хватает безымянного пальца — не решаюсь спрашивать, как он его потерял.

Помимо Иисуса, Харви пылает страстной любовью ко всему американскому. Он с гордостью рассказывает мне про некоего Стивена МакКейна, его друга-мецената из Южной Каролины. Харви сообщает мне по секрету, что скоро в лагуну нагрянут американцы с оборудованием: будут чистить реку. Он надеется, что им здесь понравится и они совместными усилиями смогут наладить в Ла-Москитии полноценный туризм. Мне тут же приходит в голову мысль о другом тропическом рае в Гондурасе, острове Роатан, где американцы уже частично его наладили: с появлением рабочих мест и туристов на острове резко подскочил уровень преступности и проституции, в особенности среди подростков. Остров, который должен был стать центральноамериканской колыбелью дайвинга, превратился в главную артерию секс-туризма в стране. На Роатане подвыпившие престарелые американцы и канадцы обсуждают местных девушек, как сорта пива, делясь опытом и рекомендациями.

## Остров, который должен был стать центральноамериканской колыбелью дайвинга, превратился в главную артерию секс-туризма в стране



Харви, впрочем, настроен оптимистично. Предложение для инвесторов уже готово, существует даже договоренность о встрече с президентом Гондураса. Предзакатное солнце отражается на растянувшихся в бесконечность выжженных полях. Харви потягивается и мечтательно заключает: «Может быть, скоро мискито будут жить как граждане США». Где-то неподалеку мычит корова.

На границе с Гватемалой гондурасский пограничник просит заплатить 90 лемпир — 3 доллара, которые я уже заплатила при въезде. 3 доллара — это, конечно, ерунда, но я стою на своем из принципа. В итоге пограничник сдается и с кислой физиономией ставит мне выездной штамп. Коррупционность гондурасских чиновников вызывает в душе приятную грусть, смешанную с ностальгией. Кому же все-таки живется весело, вольготно в Гондурасе? Харви? Тони? Джонни? Пограничником? Американским туристам? Ответ на этот вопрос я за две недели своего путешествия так и не нашла. Но прояснилось другое: Гондурас — это совсем не чудище, что обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй, не хтоническая геопатогенная зона, но земля, путешествие по которой позволяет по-новому ощутить то, что мы называем «глобализированным миром». **M**



МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ГАРАЖ

# GARAGE

MUSEUM OF CONTEMPORARY ART

**ВЫСТАВКА**
**do it**

6+

С 1 МАЯ

**МОСКВА**

Реклама

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ  
К ГЛОБАЛЬНОМУ  
АРТ-ПРОЕКТУ!**

Музей современного искусства «Гараж»  
Парк Горького,  
Павильон у Пионерского пруда  
+7 495 645 05 20  
[www.garageccc.com](http://www.garageccc.com)

**#doitmoscow**

ICI